

Счастливый, громкий смех молодой пары донёсся с гулкой лестничной площадки ожидаемым предвестием — идут. Пожилой Учитель степенно спрятал золотую перьевую ручку в костяной пенал, закрыл луковичкой крышки бронзовую чернильницу. Тонкими, длинными пальцами изящно художавой руки пригладил серебро отлива густой, опрятной бороды. Оправля высокое ясное чело, поднялся из-за рабочего стола. Одёрнул фрак. Осмотрелся, о чём-то размышляя. Снял со стены икону, прижал её массивный оклад к груди ликом от себя. Прошел из кабинета в прихожую, распахнул входные двери и торжественно, сдерживая волнение, обратился навстречу голосам:

— С венчанием! Моё вам благословение! Примите от меня в дар семейную икону, пусть она будет добрым напутствием в совместной жизни...

Притихшая пара на мгновение замерла в проходе. Молодой человек, как был — в шубе, полной январского мороза, благодарно рухнул перед Учителем на колени и умудрился потянуть за рукав ступавшуюся суженую. Барышня, охнув, поторопилась преклонить колени рядом. Важность момента ознаменовалась церемониально выдержанной паузой в звенящей тишине знакового, для собравшихся события. Настрой воображения почти прорисовал, па-

рящие над головами, золотые с бархатом венчальные венцы...

Дальше смутился уже Учитель:

— Ну, будет вам!.. Что ж мы в передней толчёмся?.. Скидывайте шубы. Проходите, проходите в гостиную... Сейчас прикажу кухарке праздничный стол по случаю накрыть. Она как раз нынче из ледника полную корзину рождественской снеди выучила...

Молодой человек, не поднимаясь, не позволяя встать подруге, тихим, срывающимся в задыхе голосом, принялся пылко выражать переполнявшую их признательность:

— Отец Вы наш родной! Век будем помнить Вашу доброту, заботу. Одни хлопоты Вам от меня... Головная боль, да и только. Не взыщите уж с нас...

Принятая на себя Учителем ответственность — благословить молодых на венчание — давала нравственное право, горячо любившим друг друга, двоюродным брату и сестре ощутить страстный союз полноценной парой в законном браке. Действительно, пришлось искать священника, кто повенчал бы их, не спрашивая документов, выдающих родство. Посвященные в тайну сыновья Учителя, были единственными свидетелями свадьбы.

— Дело сделано! — удовлетворённо произнёс организатор венчания. — Вы одна семья. В горе и радости, на всю жизнь.

Нервозная суэта переезда раздражала сотрудников, но тешила надеждой на возвращение в историческое здание после капитального ремонта, преображённое и переоборудованное под современные требования. Библиотекари упаковывали, раскладывали, переносили пухлые, пыльные папки документов — стопку за стопкой, на руках в специальный контейнер доставки. Торопились успеть освободить помещение. Транспорт деликатного переезда безразлично дожидался окончания погрузки или близившегося конца рабочей смены. Унылому водителю было определённо всё равно, как завершится этот обычный, по зимнему хмурый, в туманной изморози, день петербургского выюговья — 26 февраля 2015 года.

На коллекторских стеллажах учётным порядком размещались первые два ряда пронумерованных коробок, а глубже — дальше полная неразбериха. Ценные архивы, нейтральные бумаги из прошлого, а то и откровенная макулатура, которую, пользуясь переездом, пора уже выкинуть на свалку. Малая часть хранящихся документов, подогнана под каталоги, остальные двадцать с лишним тонн бумаги свалены в безымянный ворох стопок. Библиотечная комната без окон и должной вентиляции вынуждала находиться в её душности минимум времени — по необходимости. Необходимость в данном случае определялась попутной по возможности сортировкой вывозимых документов и переправкой их в очередной «долгий ящик» для последующего хранения. Больше половины библиотеки отправляли на удалённые склады.

В какой-то степени, все документы относительно условны своей важностью — бумага бумагой. Меж пожелтевших, второсортных по значимости дальних рядов коробок, прижатая к осыпающейся штукатурке стены, помнящей шпалерную обивку, застряла неказистая папка с уничтожающе обесценивающим штампом: «СПИСАНО». Номер списанной рукописи, как полагается, зачеркнут за ненужностью. Ниже отчетная строка (неистребимое племя крючкотворцев-бюрократов когда-нибудь, таки добьёт песню вольности мира), прописанная бездушным почерком клерка: «Поступила 11 мая 1932 года. Акт списания 1951 года. Инвентарный номер без печати. Оценка — 10 рублей».

Десять рублей, это не серьёзно. Жалкие гроши, и те обойдутся дороже! По тем временам — с десятков сырых яиц. Не ахти какая ценность. Зачем списанные документы перекладывать с места на место, не лучше ли на выброс? Как иначе навести порядок?! Хоть немного проредить, подчистить. Сотрудница отложила найденную папку в сторону — на всякий случай, посоветоваться всё же с ведущим специалистом.

— Ступайте живо руки мыть... Небось, проголодались... Да? Ну, тогда, к столу! К столу!

Молодые, подхватывая шутливую ноту, снова дружно засмеялись и прошли в гостиную. Вот уже несколько лет Игорь регулярно брал уроки у Николая Андреевича. Попросился к нему, «повинуясь велениям своей единственной склонности». При том, что во время учёбы в гимназии воспитанник не отличался

особым усердием, здесь он навёрстывал упущенное и приобретал главное — понимание жизненного пути как проявления в осознанном призвании. Занимался прилежно, скрупулёзно перенимая стиль, манеру, образ. Старался копировать черты замечательного педагога, даже внешний вид — сшил, как у Учителя, чёрную, под глухой воротник-стойку каракулевую шубу, завёл для себя ту же привычку носить две пары очков. Запасные всегда должны быть под рукой, точнее, высоко на лбу, чтоб не искать, когда вдруг срочно потребуются записать возникшую идею — волну вдохновения. Радивый ученик очень привязался и искренне любил чрезвычайно внимательного, обстоятельного Учителя. Требовательный наставник отвечал взаимностью, но по-менторски сдержанно, стараясь открыто не проявлять душевного приятия, как выражения расхолаживающей слабости. Денег за уроки брать, конечно, отказался. По общепризнанному мнению, лучший учитель в России, дающий частные уроки, строго и требовательно передавал мастерство, вскармливал традицию Школы, главой которой маститый мэтр являлся ещё с конца прошлого века. Более чем скупой на одобрительную похвалу, маэстро становился безжалостно суровым, бескомпромиссно прямолинейным, когда приходилось делать замечания.

— Игорь! Оставайтесь любителем. Вам уже немало лет. Двадцать три, сударь, это что ни говори, возраст! Изучаете юриспруденцию в университете? И прекрасно, продолжайте! Я вон, с позволения сказать, тоже не профессионал — потомственный офицер императорского флота. Три года гардемаринком в морских походах по вахтам да аврамам. Но Вы же

ко мне не за военной муштрой ходите! А ходить придётся ох, как немало, чтоб в музыке-то разобраться! Нетерпеливость здесь плохой помощник...

— И за муштрой, Учитель, готов к Вам ходить! Уж не обессудьте и простите великодушно, что докучаю надоедливymi визитами. Мне без уроков никак... Мечтаю достичь Вашего совершенства.

— Если б в этих «докучливых» визитах я заметил бы назойливую прихоть, а не потребность, будьте уверены, не стал бы им потворствовать! Знаете ведь, потакать праздности не в моих принципах...

Хозяин, по-деловому, сохраняя офицерскую выправку, шагнул к письменному столу, на зелёном сукне которого лежали бумаги, книги, стояли часы, фотографии. Привычным жестом, поблёскивая кольцами на пальцах (одно из которых, наследственное — память об отце), достал из портсигара папиросу, закурил. Глубоко затянулся несколько раз, прищурился. Тут же машинально потушил дымящийся окурок об стилизованную под дракона пузатую пепельницу из майолики, сдвинул на нос со лба очки и назидательно продолжил:

— Займитесь всерьёз полифонией гармонии, осваивайте в первую очередь теорию музыки. Анализируйте форму и структуру классических произведений. Работайте над композицией, инструментовкой фрагментов. Консерватория Вам не нужна!

Молодой человек, как губка, жадно впитывал каждое слово Учителя. И шептал. Шептал и кивал, кивал — внимал.

— Не нужна! — отголоском эха повторил он, твёрдо усвоенную истину.

Композитор откажется от угнетающей его «казённой жизни» консерватории

и легко обойдётся без профильного диплома. А книги Учителя «Практический учебникъ гармоніи», «Основы оркестровки» станут востребованной необходимостью.

День клонился к невидному за городскими строениями закату. С папками, вроде, справились со всеми, значит, деликатный переезд состоялся! Завтра новая смена на новом месте. Поутомившиеся непривычным физическим трудом библиотекари с удовлетворением прошлись по опустевшему, уже не столь тесному коридору, придирчиво осматривая остатки оборванных коробок, отвалившиеся обложки и прочие, неизбежные издержки поспешных сборов. Недаром, в народе говорят — один переезд сравним с двумя пожарами. Что-что, а пожар в хранилищах — запретное слово, обозначающее конец света в отдельно взятом помещении. Огонь и воду, как бушующие стихии, необходимо исключать любым способом! Огонь, воду — да, ну а вдруг где-то в тёмных углах за паутиной притаились медные трубы? Фанфары славы, незаслуженно забытые, брошенные, укрытые сознательно по каким либо низменным причинам — не объективно корыстным соображениям? Обычным головотяпством подобную акцию не назовёшь.

Не потрепанная, не затёртая востребованностью — просто уставшая от времени, сиротливо выцветшая из бордо в серенькую, объёмно увесистая сшитыми листами, папка со штампом «СПИ-САНО» лежала на порожней тумбочке с отломанной ножкой (поэтому не увезли) и ждала своего часа. Как выяснится нем-

ного позже, ждала часа, завязанная на бантик канцелярскими тесёмками, более ста лет. Но была готова к фанфарам всегда, с момента своего создания! Для оных и создавалась...

Библиотекарь окинула завершающим взглядом оккупированное пустотой хранилище, заметила оставленную «на потом» папку. Захватить с собой? Зайти сейчас к ведущему специалисту? Может, вообще не стоит того — списано ведь. Ответственность взяла верх.

Декан факультета задержалась в своём кабинете по тем же вопросам, что и весь коллектив заведения — срочные сборы и переезд, согласно предписанию Минкультуры. Библиотекарь робко постучалась в полуоткрытую дверь:

— Извините за беспокойство. Вот, нашла завалявшиеся ноты. Взгляните, мало ли, вдруг, что стоящее?

Папка легла на стол специалиста.

Знатока своего дела трудно, наверное, невозможно удивить находками в досконально проработанной области. Когда же чудо случается, в него отказывается верить, прежде всего, не сомневающийся профессионал. Этого не может быть и точка! Именно такую фразу воскликнула опытный музыковед, посвятившая свою жизнь изучению музыкального наследия.

— Свидимся ли... Случится ли ещё...
— Учитель впервые за годы позволил не сдерживать порыв ученика обняться.

Невысокого роста, Игорь неловко зацепился очками на лбу за ухоженную, мягко шелковистую бороду, как всегда стройного, сухощавого наставника. Зацепился, запутался ими, и уронил очки

на пол. Поднимать не стал — трепетно приник к груди Учителя. Той груди, чей безукоризненный жар сердца он так хотел перенять. Той груди, что с нынешней зимы предательски беспокоила Учителя. Здоровье пошатнулось. Всё чаще мучили боли, жжение за грудиной, одышка, немела рука, и нестерпимо отдавало в шею... Грудная жаба... Игорь гнал от себя убийственно тревожные мысли, что эти приступы предвещают близкий конец.

— Николай Андреевич, может быть мне всё-таки отложить поездку?...

Каждую весну молодая пара охотно уезжала на летние дачи — в своё имение. На сей раз, Игорь покидал Петербург с тяжёлым предчувствием.

— Езжайте уж... Не беспокойтесь, даст Бог, вернетесь, и продолжим занятия. Трудитесь, с кондачка композитором не становятся! Это только псалмы можно петь без подготовки. Да и те, в попытках наскоком не осилишь!... Никогда не ждите вдохновения, но сочиняйте регулярно каждое утро, хочется вам того или нет. Если в какой-то день у вас ничего не выходит, не отчаивайтесь: можете быть уверены, что на следующий день идеи к вам явятся. В трудах поймёте, час Ваш пробил...

Напутствие оборвалось надсадным кашлем. Игорю показалось, что Учитель, прощаясь, излишне поспешно захлопнул за ним двери. Что-то не досказал. Может, что-то важное не успел услышать ученик... Больше встретиться им было, не суждено.

Каждую неделю Игорь телеграммами справлялся о здоровье Учителя. Ответная телеграмма с известием о кончине застала Игоря, если не врасплох, то с явной невозможностью принять слу-

чившееся за правду. Подтверждением прискорбного факта вскоре вернулась и бандероль с направленной партитурой. Пометка «Не доставлено ввиду смерти адресата» не оставляла сомнений в произошедшем несчастье. В оглушившую, невосполнимую утрату так не хотелось верить. Невозможно было осмыслить, осознать степень обрушившейся трагедии — потерю Учителя.

Мастер скончался в кресле, под шквал грозы и бури, под настоящий шторм. Не смог перенести удара от запрета цензурой, только что созданной, «небылицы в лицах» — оперы «Золотой петушок». Оперы, которую «писал денно и ночно. Так устал, что свет не мил!»

Скорбел Петербург, скорбела вся Россия.

Гроб с телом покойного стоял посреди переполненной людьми, небольшой, довольно мрачной, но красиво убранной живыми цветами, церкви консерватории. Погребальный монумент царственно возвышался, величественно покоясь на пышной горе венков. Гора находилась в непрерывном движении — высилась, ширилась, росла по мере того, как её щедрым подношением от души пополняли живыми цветами всё прибывающие ученики, профессора, представители обществственности обеих столиц империи, провинции и отдельные частные лица.

По завершении заупокойной литургии и панихиды, больно слепящий на летнем зное блеском чёрного лака катафалк, вместе с двумя перегруженными колесницами для венков колыхнулся и тронулся — медленно двинулся по улицам города в сторону Новодевичьего монастыря. Печальную процессию единым траурным маршем сопровождали более десяти тысяч желающих проститься

с Маэстро, ярко олицетворявшим собой, целую эпоху мира классической музыки. Людское море волной рук подхватило открытый гроб, и он поплыл. Плыл более трёх часов — великий композитор, моряк и отменный пловец. Плыл, словно по Лете-реке, вплоть до самого погребения в склепе. Кладбище никогда ещё не было столь многолюдным. Толпы людей заполнили все палисадники, запрудили аллеи, заняли тропинки меж оградок. Народ лишился кумира.

«Вечному баяну земли русской» — с такой эпитафией лёг на могилу последний венок.

...Титульный штамп «Русские симфонические оркестры»... И. Стравинский... «Погребальная пьеса»... — декан музыкального факультета ещё раз вслух перечитала название папки, подписанной старым стилем. Прочла нарочито отстранённо обыденно, не веря ни глазам, ни ушам. Не веря, но в глубине души уже предвосхищая фурор эпохальной находки, чувствуя интуицией эксперта — оно! Стравинский. В её руках, казалось безвозвратно утерянная более ста лет назад, заветная рукопись оркестровых голосов «Погребальной песни». Мемориальное сочинение, по фатальному стечению обстоятельств, исполнялось единожды (!) на концерте в честь памяти великого русского композитора — Николая Андреевича Римского-Корсакова, учителя другого культового композитора 20-го века — Игоря Стравинского. Вещь эта тогда произвела сильнейшее впечатление, как на слушающую публику, так и на самого, в отчаянии скорби создавшего её, автора. Достоинство про-

изведения стократ умножилось атмосферой всеобщего глубокого траура по ушедшему гению. Потрясающий резонанс и... забвение пропажей! Магия рока в исчезновении после громкой заявки.

Сенсация! Нет, второго исчезновения музыкального шедевра допустить нельзя! Теперь-то уж весь мир сможет оценить и разделить скорбь, погружаясь в щемящее очарование печали «Погребальной песни», слушая за предельно трогательное посвящение Учителю признательного, невероятно талантливого ученика — Игоря Стравинского. Надо же, страшно подумать — если б в консерваторской библиотеке царил порядок, то после любой, так любимой крючкотворцами инвентаризации, выстраданного опуса там бы не оказалось! Приговор, так сказать, привели бы в исполнение. Списано, так списано. Папкой больше, десятью меньше. А уж в неуместных по коридорам шкафах...

— Ты, ты... Все вы не понимаете, какая произошла катастрофа! Можно ли, быть настолько равнодушной?! — Игорь срывался на ничего не понимающую супругу, чего раньше себе не позволял. Со смертью духовного отца подобный всплеск резких, неконтролируемых эмоций становился не редкостью. В одночасье, лишившись мудрого, уверенного кураторства, неокрепший воспитанник вдруг ощутил на своих плечах всю тяжесть ответственности за Школу, за судьбу наследия, за передачу полученной высокой традиции — создавать музыку, творить какую завещал Учитель.

Сосредоточиться, не отвлекаться. Ограничить себя во всём, мешающем состояться композитором! Ограничить и от влияния того, «что именуется вдохновением».

Впредь Стравинский неизменно будет называть себя учеником Римско-го-Корсакова, выходцем из его славной Школы — «из племени, порождённого Чайковским». На вопрос, чьё влияние он испытал, благодаря кому сформировался музыкантом, первое из имён назовёт «величайшего мастера» — своего Учителя.

После похорон Игорь вернулся в деревню и сразу занемог — слёг от непосильных переживаний. Больной метался в жару, бредил пережитым и увиденным, снова и снова шествовал с похоронной процессией по нескончаемым улицам города под приглушенный, жутко монотонный гул толпы. Навязчивость провожающей процессии преображалась воспалённым сознанием в острую необходимость почтить память Учителя надгробной песней. Пусть духовые медные, деревянные, струнная группа, пусть все-все инструменты оркестра забудут про соперничество. Пусть скорбно, почтительно торжественно солируют, возлагая поочерёдно своей мелодией подлинного плача венки на могилу почившего мэтра. Пусть музыкальный эскорт поклонения выражается интонацией тремоло — мерно сдержанным, почти глухим, дрожащим рокотом ритмического рисунка ведущего темпа, подобно хору низких голосов. Тремоло... Тремоло... Брожение басов. Необходимо, чтобы звучала безупречная музыка, как безупречен был Учитель. Пусть скрипом

катафалка начнёт контрабас, вступит колесницей для венков тромбон, подхватит эстафету слёз туба, загудит бас-кларнет... Но основную тему поведёт, потому и сложная, валторна — одинокий голос перед судьбой. Не упустить пульсирующие вспышки фортиссимо — заглавную ремарку «грандиозо»!

Необходимо удвоить, нет — мало — утроить состав музыкантов симфонического оркестра! Нужен огромный «сверхоркестр»! Должно звучать триединство определяющих сил: УЧИТЕЛЬ, ШКОЛА, УЧЕНИК. Сакральная черед трезвучий... Пусть, пусть весь музыкальный Олимп славит величие Мастера!

Игорь с утра до ночи напролёт сидел за роялем. Писать музыку за рабочим столом, как виртуозно творил её Учитель, он позволить себе не мог — помнил, что Николай Андреевич определил ему наказ сочинять за инструментом. Преемник завещанного, лихорадочно оттачивал каждую деталь текста. Бился над поиском идеальной звуковой пропорции — единственно нужного интервала, подходящего гармоничного созвучия ритма. Бился над отрицанием, чтобы открыть утверждение. Бился над нотой — не найденной для совершенства частицей Бога, о секрете какой умолчал, не успел поделиться немногословный, не разговорчивый Учитель. В бредовом полусне чистота создаваемой музыки, хрупкость её ускользающих непослушностью нот, виделась не начинающему, мощно зреющему композитору, ещё не натянувшимся жёсткостью скорлупы, желеобразным яйцом. Подрагивающее уязвимостью, студенистое на ощупь, не готовое к самостоятельной жизни, но уже целостно зачатое жаром

птицы и вынашиваемое её самоотверженной опекой в уютном тепле родного гнезда. Сизые кольца неизбывного, едкого папиросного дыма, струящегося зыбкими берегами, кружились, зависали, расплывались химерно призрачным нимбом над самозабвенным творцом и открытым, будто раскалённым от пышущего жара, роялем — гнездом.

«Погребальная песнь» сотворилась.

Более ста стран мира готовились транслировать триумф вновь обретенной «Погребальной песни» — одна из мировых премьер должна была состояться в Сеуле. 21 января 2017 года большой азиатский филармонический оркестр с блеском исполнил «Опус №5» выдающегося композитора Игоря Стравинского в честь памяти великого Учителя. Почётный парад подхватил Амстердам. Затем «Песня» с аншлагом превосходно прозвучала в Сингапуре. Захватывающую эстафету принял Лондон. Гигантский, до отказа заполненный публикой, «Роял фестивал — холл». Именно в нём в 1965 году состоялось триумфальное дирижёрское выступление Игоря Стравинского. Тогда исполнялась «Жар-птица», под управлением восьмидесяти трёх летнего автора. (Как не вспомнить экстравагантную привычку маэстро — иногда перед началом концерта на сцене публично отламывать кончик дирижёрской палочки, показавшейся вдруг излишне длинной...)

Настало время услышать «Погребальную песню».

Впереди ждала целая вереница премьер пьесы: Мадрид, Токио, США, Германия, Швейцария... Выстроилась очередь из лучших дирижёров и высококлассных

оркестров на право сыграть «Опус №5» максимально приближённо к оригиналу, чего от исполнителей всегда неукоснительно требовал маэстро.

Знатоки и тонкие интерпретаторы творчества Стравинского называли «Погребальную песню» «невероятно трогательным», «потрясающим, ошеломительным даром» и видели в загадочной пьесе «нечто особенное».

Многослойный подтекст включал пёструю палитру трактовки и давал возможность разнопланового прочтения её версий. Эмоциональный настрой, вдохновлённость определяли интерпретацию — от глубокого трагизма, драматической экспрессии до траурного приношения ученика Учителю прекрасной, рафинированной музыки, отмеченной романтической, светлой печалью в бархатной однородности звучания...

Стравинский никого не озадачивал расшифровкой в штучной подаче сочинения — запечатлел бурю переживаний, пренебречь, не изложить которые в нотах посчитал для себя недопустимо преступным упущением. Позже ясно высказался в пользу формы, против образов и смыслов: «Суть музыки такова, что ей вообще не нужно что-либо выражать», «Музыка ничего не выражает, кроме самой себя!».

Игорь Стравинский один из первых значимых деятелей искусства, проявляясь глубоко мыслящим философом, заговорил о ценности осознания себя здесь и сейчас — в текущем моменте. Полная осознанность! Быть там, где ты есть. Понимать, что любое «сейчас» — это уже позже, чем ты думаешь. Стравинский через музыку звал к соглашению в отношениях между человеком и временем. Убирал противостояние категорий

прошлого и будущего — делал акцент на устойчивом настоящем, усиливал ощущение его свежести. Предлагал снимать «несовершенство природы», «обречённость испытывать на себе текучесть времени», без остатка погружаясь в музыку.

«Музыка — единственная область, в которой человек реализует настоящее»

Сдержанность, строгость порядка, сознательное ограничение, воспринятые им от Учителя, стали той потребностью, которая воплощалась выражением индивидуальности и свободы творчества. Хаос невыносим, как антипод музыки — организованности миропорядка.

Во многих присутственных местах Петербурга шли поминальные концерты по случаю кончины Римского-Корсакова. Старший ученик и близкий друг ушедшего великого композитора, влиятельный Глазунов, будучи директором консерватории, из опасения опорочить имя Мастера, отклонил от участия в них «скоропелое» сочинение молодого, никому не известного, из начинающих любителей, Стравинского. В полном отчаянии Игорь с мольбой о помощи обратился к вдове: «Всё, что я могу сказать, даже не сказать, а кричать... — это, ради бога, устройте, я не могу не участвовать, я должен участвовать в концерте...». Щепетильным организаторам пришлось уступить уважаемой Надежде Николаевне. «Погребальная песнь» прозвучала. Единственный раз.

В поисках весомых побуждений для последующего написания музыки не было нужды. Захлестнувшая импуль-

сивность звала Игоря реализовать витающий азарт в конкретно пойманной, подслушанной модели композиции — звучании задуманной темы. Годы интенсивного, усердного ученичества оборачивались плодотворной результативностью и качеством последующих произведений. Появилась музыка балета «Жар-птица». Та самая, что восхитит лондонскую богему, когда на девятом десятке, её будоражащее душу звучание, экспрессивно продирижирует неутомимый маэстро. Возникла идея «Весны священной». Она воплотится уже после того, как прошумит премьера «Петрушки». Вместе с живописцем и вдохновителем «Весны» Николаем Рерихом они набросали сценарий, засели за либретто, стремились к общему видению художественного оформления. Бессюжетный балет-фантазия знаменовал пробуждение всего живого, что умерло с уходом Учителя. От страха чуткой души перед затаёнными силами, до безумного ликования весеннего буйства природы, расцвета, где срыванием покрывала рассыпалось в прах всё затхлое, омертвевшее. Где извечными интонациями неисчерпаемо бездонной вселенной через наивность церемонии панически воскресало, возрождалось языческое общечеловеческое единение с космосом. Где безудержной смуты экстаза страстей прорывался поиск исконного смысла жизни, доходящий до величественного жертвенного подвига самоотречения Избранницы — полного изнеможения. Ценой какого пробуждается весна. Священная весна...

Умопомрачительные, доводящие до иступления, мелодии неистовых плясок — «выплясываний» — всецело захватили аристократические круги Парижа. Одиозный организатор тамошних

«Русских сезонов» Дягилев, кого метко охарактеризовал сын композитора Фёдор, как первооткрывателя с тонким собачим нюхом, и «замечательным чутьём возможного успеха» назвал «Весну священную» — «Девятой симфонией нового времени». Жан Кокто восторженно заявил: это «самое потрясающее театральное зрелище» из всех, ему памятных, Стравинский же самый великий музыкант эпохи, «Весна» не трогает — вырывает с корнем.

В пьесе сочетание обоих компонентов — музыки и танца — «построены подобно архитектурному сооружению на основе принципов контраста и сходства». Каждый инструмент оркестра звучит набухающей почкой «на коре векового ствола», подтверждая причастность к великому целому, символ которого — рождение Весны.

Состоявшийся композитор будет непрестанно в сомнении задаваться вопросом — мог ли когда-нибудь Учитель признать «Весну священную»? Всё ли дело в разнице поколений...

Принуждение к порядку, как феномену стройности, выдержке Стравинский пытался привнести даже в любовь, ограничивая, безусловно принимаемые чувства, определёнными рамками. «Самое главное — это уметь исключать». И тут же, безраздельной владычицей этих рамок назначал саму любовь. Впускал её в музыкальное пространство полновластной хозяйкой. Вопросом отвечал на сомнения: «Не одной ли силой любви мы постигаем всю глубину человеческого существа?» Со свойственной ему аналитической сухостью вновь вопрошал убеждением: «Для творчества нужна динамика, нужен некий двигатель, а есть ли на свете двигатель более мощный, чем любовь?»

Похожее единство противоположностей сочетала в себе Коко Шанель, чрезмерно впечатлённая притягательной, новаторской музыкой и личностью самого Стравинского. В сдержанный шарм, излюбленную простоту монохромности стиля, эталонная кутюрье ухитрялась вплетать вызов страстности и независимость эмансипации. Первая, за не востребованностью, удалила из своего гардероба корсет — отказалась от «духа конфетных обёрток». Первая предложила незамедлительно повторить за ней и остальных дам, создавая модели, не требующие корсета. Первая, коктейлем, букетом, мелодией сумела донести на долгие годы высокий образец аромата — «Шанель № 5». Не музыкальный ли Опус № 5 увековечен модными духами?.. Опережающий время композитор исповедовал принцип насыщенности мгновения. Узаконившая «запах женщины», Коко превратила мгновение в нескончаемость двух, единственно стоящих, по её убеждению, переживаний — любви и работы. В течении исчерпывающих друг друга измерений.

Оправившись от шока по поводу кончины Учителя, Стравинский забыл мелодию «Погребальной песни», которую создавал в скорбном беспомыслии. Бурные годы предвоенной, предреволюционной сумятицы не дали возможности разыскивать по архивам, оставленные ноты авторской партитуры. Пробовать же восстановить мемориальное посвящение «в трезвом уме и ясной памяти», когда его музыка стала «суха, холодна и прозрачна, как шампанское extra dry», композитор посчитал вызывающим кощунством. Теперь «изобретатель музыки», «архитектор, возводящий здание из звуков», будет «напрочь отбрасывать от себя любое настроение». Характер задач

будет восприниматься как моральное обязательство: «проявить величайшую, наиболее возможную в этом случае честность». Честность и искренность в работе.

До конца дней Стравинский сожалел о потере. Потере Учителя и «Погребальной песни». Относительно исчезнувшего произведения во всех каталогах мелькали ремарки: «утрачено», «не опубликовано», «место нахождения неизвестно». При всей успешной реализации крупнейшему композитору столетия в его поиске с парадоксальными поворотами, внезапными сменами манеры письма всегда будет не хватать для совершенства одной ноты. О секрете которой, умолчал Учитель в дверях — на пороге Вечности.

Полувековое служение музыке Стравинский завершил созданием «Заупокойных песнопений». Лаконичный, даже сжатый интенсивностью изложения, реквием погружает в мир пограничных переживаний. От напористого шквала жестких созвучий до тихой сдержанности покоя одухотворённой тишины. Приятие смерти как закономерности логического конца не пугает безысходностью холодной пустоты, а звучит освобождением от земных страданий — катарсисом. Композиция сочинения мастерски выстроена идеей замкнутого цикла, вписанного в круг. Как итог творческого пути: от посвящения Учителю начинающего музыканта, до возвращающего к вечным истокам реквиема уходящего Маэстро.

КОДА

После стольких лет забвения, вернулась и зазвучала, насыщенная романтической экспрессией «Погребальная песня». Нетрудно заметить, что, последовавшая за ней «Жар-птица» начинается в том же, богатом палитрой ключе. Вот она — Школа. Поклон, поклон! Низкий поклон Школе и Учителю!

Музыкальный мир благодарен за находку Рукописи, которая проделала немислимый путь от забвения и печи под сжигание с пометкой «СПИСАНО» до абсолютного триумфа и сохранного сейфа со штампом «НЕ КОПИРОВАТЬ!»

Спасибо за возвращённую миру музыке — посвящение великому Учителю гения Игоря Стравинского.

Низкий поклон за «Погребальную песню»!

Не откладывайте на завтра, доставьте себе радость светлой печали послушать «Песню» сейчас. Шагните в верном направлении. Как знать, быть может, вам и впредь захочется так поступать — не откладывать жизнь на потом...

«Невозможно до конца полюбить музыку, не испытав её на себе».

«Я не живу ни в прошлом, ни в будущем. Я — в настоящем. Я не знаю, что будет завтра. Для меня существует только истина сегодняшнего дня. Этой истине я призван служить, и служу ей с полным сознанием». И. Ф. Стравинский

«Я не живу ни в прошлом,
ни в будущем. Я — в настоящем.
Я не знаю, что будет завтра. Для
меня существует только истина
сегодняшнего дня. Этой истине
я призван служить, и служу ей
с полным сознанием»

И. Ф. Стравинский